

дежности и противодействия вмешательству. Применимость этих технических средств на конкретных установках будет также зависеть от специфических конструкционных особенностей этих установок.

Рекомендации по проектированию

При проектировании любых ядерных установок конструкторам следует найти оптимальное решение с учетом воздействия многих экономических, технических, юридических, экологических и конструкционных параметров и вопросов безопасности. На этапе проектирования ядерных установок возможность облегчить применение гарантий представляет собой дополнительную проблему, которая должна приниматься во внимание в наибольшей степени. Это особенно важно для хранилищ отработавшего топлива, в которых средства С/Н играют весьма важную роль. Эта проблема подробно обсуждалась на многих совещаниях, созываемых МАГАТЭ. Государ-

ства-члены, признавая важность проблемы, учитывают соответствующие руководства и рекомендации МАГАТЭ на начальном этапе проектирования хранилищ отработавшего топлива.

Удовлетворительное применение

В этой статье описаны некоторые общие аспекты применения гарантий к отработавшему топливу. Конечно, они не отражают все детали и особенности международной системы гарантий по отношению к отработавшему топливу. Для приреакторных хранилищ и временных хранилищ на перерабатывающих заводах у МАГАТЭ есть опробованная схема применения гарантий. Современные технические средства гарантий могут также удовлетворительно применяться на долговременных хранилищах отработавшего топлива для достижения целей гарантий, несмотря на целый ряд отличительных особенностей этих установок.

Прообраз Договора о нераспространении? Советские предложения 1947 г.

Ретроспективный взгляд на попытки поставить под контроль распространение ядерного оружия

Бертран Гольдшмидт

17 мая 1948 г. ученый Нильс Бор внес последнюю правку в меморандум, который он намерен был представить государственному секретарю США в качестве основы для предстоящих бесед в Вашингтоне в следующем месяце.

В этом меморандуме Бор выразил сожаление в связи с ростом недоверия и подозрительности между государствами, что помешало заключению соглашения в ООН о контроле атомных вооружений, и призвал ведущие в этой области страны взять на себя инициативу в стремлении к „открытости на взаимной основе“.

Г-н Гольдшмидт — бывший директор Комиссариата по атомной энергии Франции и бывший председатель Совета управляющих МАГАТЭ. Эта статья основана на докладе, с которым он выступил на семинаре в честь 100-летия Нильса Бора „Угроза ядерного вооружения“ в Университете в Копенгагене.

В тот же день Комиссия по атомной энергии ООН (КАЭ ООН) — после почти двухлетней работы и более 200 заседаний в Нью-Йорке и Лейк-Саксесе — сообщила, что ее деятельность зашла в тупик и что продолжение переговоров в рамках Комиссии не сможет принести никаких полезных результатов.

КАЭ ООН была образована в январе 1946 г. решением 51 государства-участника первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ее главные цели состояли в подготовке конкретных предложений о контроле над атомной энергией, с тем чтобы обеспечить ее использование только в мирных целях, а также предложений об исключении атомного оружия из национальных арсеналов. КАЭ ООН должна была представлять доклады Совету Безопасности, и ее состав был ограничен 11-ю государствами-членами Совета с добавлением Канады независимо от ее членства в Совете.

„Трагедия взаимного недоверия“

То, что Комиссия по атомной энергии ООН оказалась не в состоянии достичь соглашения, было трагедией взаимного недоверия и одним из первых проявлений „холодной войны“, результатом невозможности прийти к какому-либо согласию между США и СССР, будь то тип организации для руководства и контроля мирного развития новой силы в мировом масштабе или определение этапов, через которые должны пройти Соединенные Штаты для отказа от своих нескольких единиц ядерного оружия. Их число составляло лишь полдюжины в середине 1946 г., когда КАЭ ООН собралась на первое заседание, и около двух дюжин к середине 1948 г., когда Комиссия предала гласности факт возникновения непреодолимых трудностей в своей работе. При ограниченном количестве оружия в то время было бы совершенно невозможно держать в секрете значительное число неучтенных бомб, даже если бы правительство США этого хотело.

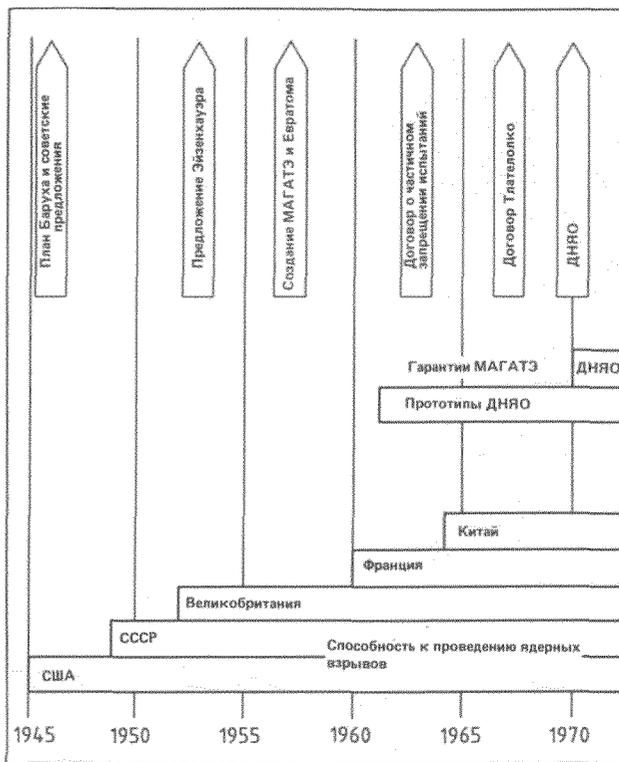
После провала КАЭ ООН человечество на неопределенное время потеряло шанс вернуть мир, свободный от ядерного оружия. Гонка ядерных вооружений, которую Нильс Бор предсказал еще в 1944 г., проявив необычайное предвидение, и которую он отчаянно пытался предотвратить на встречах с Черчиллем и Рузвельтом, теперь стала неизбежной.

Почти четыре десятилетия спустя в арсеналах двух супердержав накопились десятки тысяч бомб, обладающих неизмеримо более разрушительной силой, чем те, после применения которых закончилась вторая мировая война, и многие сотни таких же ужасных средств разрушения находятся в руках трех менее мощных государств, обладающих ядерным оружием.

Если когда-нибудь будет предпринята попытка полного ядерного разоружения, то не будет возможности проверить достоверность соответствующего заявления страны, располагающей большим количеством единиц ядерного оружия, поскольку значительное число их можно легко скрыть. Поэтому маловероятно, что когда-либо вновь можно будет испытать чувство полной безопасности в этой области до того дня, боже, такого далекого, когда мир будет, наконец, открыт и объединен под руководством единого правительства.

На современном этапе не видно никаких препятствий для вертикального распространения, хотя теоретически предусмотрено его запрещение в неопределенном будущем в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а единственными инструментами, которыми мы располагаем для сдерживания горизонтального распространения, остаются система гарантий Международного агентства по атомной энергии и ДНЯО с заложенными в нем дискриминационными аспектами.

Если бы КАЭ ООН в 1948 г., за 20 лет до заключения ДНЯО, когда лишь одно государство обладало небольшим количеством атомных бомб, пришла к соглашению о принципах подобного договора, и если бы этот договор получил всеобщее признание, то гонку ядерных вооружений и ее трагическое ускорение, вероятно, можно было бы значительно замедлить или даже избежать ее полностью. Это отнюдь не историческая фантазия, поскольку Советский Союз в 1947 г. внес предложение в КАЭ ООН, имеющее большое сходство с ДНЯО.

1945—1970 гг.: Основные международные мероприятия или предложения, направленные на предотвращение распространения ядерного оружия, ведущие к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Я был в то время советником по научным вопросам в составе французской делегации в КАЭ ООН. Данная статья является кратким ретроспективным изложением содержания этого предложения и условий, при которых оно было внесено и отвергнуто.

Американские предложения

Все началось с того, что правительство США в короткий срок провело первое исследование проблемы международного контроля над атомной энергией, результатом которого явилось опубликование в марте 1946 г. известного доклада Ачесона — Лилиентала. Принципиально новая философия этого доклада базировалась, главным образом, на взглядах Роберта Оппенгеймера, который во время войны был директором лаборатории в Лос-Аламосе, где делалась атомная бомба. Главное назначение доклада его создатели видели в том, чтобы решающим образом повлиять на работу КАЭ ООН.

В докладе, за издание которого отвечали Дин Ачесон, государственный секретарь США, и Дэвид Лилиенталь, возглавлявший управление в Теннесси Вэлли, утверждалось, что полная защита от национальных военных амбиций в ядерной области не могла бы быть обеспечена, даже если бы все государства согласились запретить атомное оружие и поставить всю свою мирную ядерную деятельность под международные гарантии. То есть, если пользоваться современной терминологией, авторы доклада не верили, что договор, подобный ДНЯО, получил бы всеобщее признание в мире, свободном от ядерного оружия, и был бы достаточной гарантией против возможного злонамеренного использования атомной энергии в военных целях.

Поэтому они предложили не оставлять в распоряжении государств ни одной установки, которая может быть легко переключена на производство ядерного оружия, и пришли к выводу в пользу создания наднационального органа, который занимался бы эксплуатацией и дальнейшей разработкой применений открытия ядерного деления, от имени и в интересах всех государств. Фактически, то, что они предлагали, было в зародыше мировым правительством, которому было бы поручено заниматься проблемой мирового значения.

Следует подчеркнуть, что в 1946 г. никто не знал, какими будут масштабы и темпы развития мирного использования атомной энергии, а также не представлял размеров участия отдельных стран в этом перспективном новом предприятии.

В то время только Соединенные Штаты располагали знанием технологии и обладали единственными ядерными установками промышленного масштаба. В докладе предлагалась серия переходных этапов от национальной к международной эксплуатации атомной энергии. Соединенные Штаты должны были последовательно передавать новому органу свою технологию, ядерные установки, расщепляющиеся материалы и только в последнюю очередь военные лаборатории и произведенное ядерное оружие.

Эта переходная операция, которая могла бы продолжаться несколько лет, должна была сопровождаться созданием международного органа. Его первой задачей стала бы подготовка глобального инвентарного списка урановых ресурсов, которые наряду со всеми распределяющимися материалами следовало передать под его юрисдикцию. Это означало бы допуск на ранней стадии иностранного персонала на территорию Советского Союза намного раньше того времени, когда Соединенные Штаты должны были бы передать международному органу свое ядерное оружие.

Ответ на план Баруха

Этот план был предложен 14 июня 1946 г. на первом заседании КАЭ ООН финансистом и ветераном-политиком Бернардом Барухом, „серым кардиналом“ для многих президентов США. В качестве представителя США на переговорах он дополнил предложения о контроле над атомной энергией политическим положением об изъятии права вето — привилегии пяти постоянных членов Совета Безопасности. По его словам, „не должно быть никакого вето для защиты тех, кто нарушает свои торжественные обязательства не развивать и не использовать атомную энергию в целях разрушения“.

Это положение было особенно неприятным для Советского Союза, поскольку внесение права вето в Уставе ООН на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. было важным условием его участия в новой мировой организации.

Спустя пять дней Андрей Громько, который в то время был представителем СССР в ООН, предло-

жил заключить международную конвенцию с неограниченным сроком действия, открытую для подписания всеми государствами и призывающую к абсолютному запрещению использования и производства атомного оружия и к уничтожению его существующих запасов в течение трех месяцев после ратификации. Государства-участники взяли бы на себя обязательство в течение шести месяцев ввести в действие национальный законодательный акт, предусматривающий суровое наказание за любое нарушение договора, которое рассматривалось бы как преступление против человечества. В соответствии с национальным законодательством каждое из государств-участников, таким образом, обязывалось бы само обеспечивать соблюдение договора, т. е. предлагалось прямо противоположное международной инспекции. Это было равносильно одностороннему разоружению США без какого-либо взаимного или международного контроля за соблюдением конвенции.

С самого начала эти две позиции казались несовместимыми. Соединенные Штаты в то время, когда они сокращали обычные вооружения и полагались на свою ядерную мощь для сдерживания советских дивизий в Европе, хотели открытия Советского Союза прежде, чем отказаться от собственного ядерного оружия. Советский Союз, полагаясь на секретность размещения своих военных и промышленных объектов в качестве защиты от возможного атомного нападения со стороны США, был не готов рассматривать какое-либо открытие своей территории или вмешательство в свои планы мирного использования атомной энергии, прежде чем произойдет атомное разоружение Соединенных Штатов.

В поддержку советских предложений выступала только Польша, тогда как девять других членов КАЭ ООН, значительное большинство, были склонны поддержать предложение США. Это, однако, несколько не ослабило недоверия русских, которое еще увеличилось из-за предложения об изъятии права вето.

Создавшееся тупиковое положение в какой-то степени прикрывалось работой экспертов, которые первоначально согласились, что контроль над атомной энергией технологически осуществим. Затем осенью 1946 г. на фоне разворачивающейся „холодной войны“ и враждебных словопрений на Генеральной Ассамблее ООН, а также определенного расхождения во взглядах среди американских официальных лиц о последствиях их плана для безопасности страны, работа КАЭ ООН сосредоточилась на поисках компромисса по наиболее деликатным пунктам: правам международной администрации, переходным этапам и изъятию права вето.

План большинства

В конце концов, принципиальные положения США были включены в первый доклад Совету Безопасности как „выводы и рекомендации“. При поддержке президента США Трумэна, Барух решил вынудить советских представителей занять ясную позицию по

Почти за 20 лет до подписания Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) очень схожее с ним советское предложение было представлено в комиссию ООН в 1947 г. представителем СССР А.А. Громыко.

На фото в день подписания ДНЯО в 1968 г. посол А.А. Громыко второй справа.

Выступает Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

этому докладу и настоял, чтобы КАЭ ООН провела голосование. Доклад был одобрен 30 декабря при соотношении голосов: за — 10, против — 0, Советский Союз и Польша — воздержались. Потерпев неудачу в попытке заставить русских присоединиться к плану, в составлении которого он участия не принимал, за исключением предложения, вызвавшего их наибольшие возражения, недовольный Барух быстро ушел в отставку. На оставшийся период деятельности КАЭ ООН он был заменен Фредериком Осборном, администратором, который во время войны руководил программой армейского образования и отдыха.

Дипломатам и ученым в КАЭ ООН было неизвестно, что мир становится на путь быстрого распространения ядерного оружия. За шесть дней до голосования по плану Баруха, накануне Рождества 1946 г., первый русский реактор достиг критичности. Советский Союз планировал и, в конце концов, добился проведения работ в те же сроки, что и при осуществлении американского проекта военного времени — менее трех лет между пуском реактора Ферми и первым взрывом.

За несколько месяцев до этого, в июле 1946 г., конгресс США принял Закон об атомной энергии, в соответствии с которым должно было проходить развитие работ в этой области в США в мирное время. Этот законодательный акт был направлен на полную изоляцию Соединенных Штатов от остального мира в атомной области и поэтому способствовал автономному развитию атомных программ в других странах, т. е. тенденции, диаметрально противоположной той, которая была основой доклада Ачесона—Лилиентала.

Действительно, в январе 1947 г., спустя несколько недель после рокового голосования по плану Баруха, лейбористское правительство Великобрита-

нии, лишенное в результате принятия нового закона в США возможности сотрудничества с Соединенными Штатами, которое начало развиваться в конце войны, приняло решение о развитии в обстановке величайшей секретности производства ядерного оружия.

Далее, в течение февраля 1947 г., были заключены мирные договоры с пятью побежденными странами: Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией. В текст всех этих договоров было включено положение, обязывающее эти государства отказаться от обладания, производства и испытаний ядерного оружия, что свидетельствовало о том, что никто больше не верит в заключение всеобщей конвенции о запрещении бомбы. Более того, в этих договорах впервые была проявлена дискриминация в вопросе о нераспространении со стороны стран-победительниц по отношению к побежденным странам. Преимущество Франции над Германией, полученное в результате существовавшей в то время дискриминации, 8 лет спустя было использовано в качестве аргумента в пользу собственной французской программы производства ядерного оружия.

Между тем дискуссии в ООН по контролю над атомной энергией продолжались как бы независимо от перечисленных выше крупных политических событий. В марте 1947 г. Совет Безопасности призвал КАЭ ООН продолжать свою работу, чтобы представить проект договора, основанный на докладе Комиссии. К тому времени некоторые американские официальные лица, такие как Роберт Оппенгеймер, убежденные, что Советский Союз никогда не согласится снять завесу секретности, рекомендовали прекратить переговоры.

Тем не менее, в период с марта по сентябрь 1947 г. западные дипломаты и их научные советники продолжали в Комиссии детальную проработку плана Бару-

Советские предложения 1947 г.

Советское правительство в дополнение и в развитие своего предложения относительно заключения международной конвенции о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, внесенного на рассмотрение Комиссии по атомной энергии 19 июня 1946 года, представляет на рассмотрение названной выше Комиссии ниже следующие основные положения, которые должны лечь в основу международного соглашения или конвенции о контроле над атомной энергией.

1. Для обеспечения использования атомной энергии лишь в мирных целях, в соответствии с международной конвенцией о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, а также в целях предотвращения нарушений конвенции о запрещении атомного оружия и о защите государств, соблюдающих условия конвенции, от риска нарушений и уклонений, устанавливается строгий международный контроль одновременно над всеми предприятиями, занятыми добычей атомного сырья и производством атомных материалов и атомной энергии.

2. Для осуществления мероприятий по контролю над предприятиями атомной энергии учреждается, в рамках Совета Безопасности, Международная комиссия по контролю над атомной энергией, именуемая Международной контрольной комиссией.

3. Международная контрольная комиссия располагает своим инспекторским аппаратом.

4. Условия и организационные принципы международного контроля над атомной энергией, а также состав, права и обязанности Международной контрольной комиссии, равно как и положения, на основе которых она осуществляет свою деятельность, определяются специальной международной конвенцией о контроле над атомной энергией, заключаемой в соответствии с конвенцией о запрещении атомного оружия.

5. В целях обеспечения эффективности международного контроля над атомной энергией, в основу конвенции о контроле над атомной энергией кладутся следующие основные положения:

- a) Международная контрольная комиссия составляется из представителей государств, представленных в Комиссии по атомной энергии, учрежденной решением Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 года, и может учреждать такие вспомогательные органы, какие она найдет необходимыми для выполнения своих функций.
 - b) Международная контрольная комиссия устанавливает свои собственные правила процедуры.
 - c) Персонал Международной комиссии подбирается на международной основе.
 - d) Международная контрольная комиссия периодически осуществляет инспектирование предприятий, добывающих атомное сырье и производящих атомные материалы и атомную энергию.
6. Осуществляя инспектирование предприятий атомной энергии, Международная контрольная комиссия предпринимает следующие действия:
- a) Обследует деятельность предприятий, добывающих атомное сырье и атомную энергию, а также проверяет их отчетность.
 - b) Проверяет наличные запасы атомного сырья, атомных материалов и полуфабрикатов.

- c) Изучает производственные операции в объеме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии.
- d) Наблюдает за выполнением предписанных конвенцией о контроле правил технической эксплуатации предприятий, а также разрабатывает и предписывает правила технологического контроля для этих предприятий.
- e) Собирает и обрабатывает данные о добыче атомного сырья и о производстве атомных материалов и атомной энергии.
- f) Проводит специальные обследования в случаях возникновения подозрения о нарушении конвенции по запрещению атомного оружия.
- g) Делает рекомендации правительствам по вопросам, относящимся к производству, хранению и использованию атомных материалов в атомной энергии.
- h) Делает рекомендации Совету Безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией.

7. Для выполнения задач по контролю и инспектированию, возложенных на Международную контрольную комиссию, последняя будет располагать правом:

- a) Доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья и атомных материалов, а также по эксплуатации атомной энергии.
 - b) Ознакомления на предприятиях атомной энергии с производственными операциями в объеме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии.
 - c) Производства взвешивания, промеривания и различного рода анализов атомного сырья, атомных материалов и полуфабрикатов.
 - d) Истребования от правительства любого государства и проверки различного рода сведений и отчетов о деятельности предприятий атомной энергии.
 - e) Истребования различного рода объяснений по вопросам, относящимся к деятельности предприятий атомной энергии.
 - f) Дачи рекомендаций и представлений правительством по вопросам производства и использования атомной энергии.
 - g) Представления на рассмотрение в Совет Безопасности рекомендаций о мерах в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией.
8. В соответствии с задачами международного контроля над атомной энергией, следующие положения кладутся в основу научно-исследовательской деятельности в области атомной энергии:
- a) Научно-исследовательская работа в области атомной энергии должна быть подчинена необходимости выполнения конвенции по запрещению атомного оружия и недопущения использования ее в военных целях.
 - b) Государства, подписавшие конвенцию по запрещению атомного оружия, должны иметь право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскание способов использования ее в мирных целях.

- с) В интересах эффективного выполнения своих контрольных и инспекторских функций Международная контрольная комиссия должна иметь возможность проводить научно-исследовательскую деятельность в области изыскания способов использования атомной энергии для мирных целей. Проведение такой деятельности позволит ей быть в курсе последних научных достижений в этой области и иметь квалифицированный собственный международный персонал, необходимый Комиссии для практического проведения мероприятий по контролю и инспекции.
- д) В проведении научно-исследовательской работы в области атомной энергии одной из важнейших задач Международной контрольной комиссии должно быть обеспечение широкого обмена информацией в этой области между странами и оказание необходимой помощи путем консультации тем странам—участникам конвенции, которые могут нуждаться в такой помощи.
- е) Международная контрольная комиссия должна располагать материальными средствами, в том числе научными лабораториями и опытными установками, необходимыми для надлежащей организации проводимой ею научно-исследовательской деятельности.

ха, получившего теперь название „плана большинства”. Это происходило в присутствии советских и польских представителей, твердо отстаивающих позицию о полной неприемлемости этой несколько утопической структуры — предполагаемого Международного контрольного агентства.

Сами американцы никогда всерьез не относились к возможности выполнения своего плана без участия Советского Союза и поэтому тоже понимали бесполезность этой работы.

Даже среди большинства было иногда трудно достичь соглашения об объеме прав контрольного агентства. Например, много заседаний было посвящено обсуждению вопроса о том, должна или не должна принадлежать агентству урановая руда, еще находящаяся в земле. Наконец, было решено, что руда оставалась бы собственностью государств, где расположены месторождения, до момента добычи.

Поэтому агентство должно было владеть всеми расщепляющимися материалами от добытой руды до самых концентрированных — плутония и урана-235. Оно должно было владеть и управлять всеми установками, легко переключаемыми на производство ядерных взрывных устройств, и выдавать лицензии на эксплуатацию всех менее опасных установок. Ожидалось, что оно будет определять квоты добычи руды во всех странах, а также объемы всех других операций ядерного топливного цикла и производства возобновляемой энергии. Оно должно было бы занимать передовые позиции в исследованиях и разработках и могло бы даже заниматься изучением вопросов изготовления взрывных устройств. Далее, оно должно было бы обладать широкими правами инспекций с целью обнаружения тайной добычи руды или другой необъявленной ядерной деятельности где-либо в мире.

С точки зрения сегодняшнего дня, когда национальные программы ядерной энергетики существуют в двух дюжинах стран мира, можно только удивляться, как глубоко философия доклада Ачесона—Лилиентала после широких дискуссий и переговоров укоренилась в умах западных экспертов. В отличие

от большинства своих правительств, которые еще требовалось убеждать, они (эксперты) были полностью покорены догмой, что мирное использование атомной энергии представляет слишком большую опасность, чтобы оставлять его в руках государств.

Советские предложения 1947 г.

В этой обстановке, спустя лишь год после первого заседания КАЭ ООН и представления плана Баруха, посол А. Громько 11 июня 1947 г. выдвинул серию предложений о контроле над атомной энергией, которые вместе с предложением о заключении конвенции, запрещающей атомное оружие, выдвинутым в июне 1946 г., можно считать альтернативой „плану большинства”. На этот раз основой предложений был принцип, что вся деятельность и решения в ядерной области продолжали бы носить чисто национальный характер.

За неделю до этого, выступая в Совете Безопасности, А. Громько охарактеризовал всю концепцию владения и административного контроля, поддерживаемую большинством, как „полностью порочную и неприемлемую” и представляющую угрозу вмешательства во внутренние дела и международную жизнь государств.

Советский план был изложен в виде „основных положений” (см. текст в рамке), на которых должно основываться международное соглашение или конвенция по атомной энергии. В нем предлагалось создание в рамках Совета Безопасности Международной контрольной комиссии, состоящей из тех же государств, что и КАЭ ООН, которая периодически проводила бы инспекции предприятий по добыче атомных сырьевых материалов и по производству атомных материалов и энергии во всех странах, которых это касается.

Это должно было стать дополнением к всеобщей конвенции о запрещении ядерного оружия. Роль предлагаемой Комиссии была очень схожей с теми обязанностями, которые были бы возложены на МАГАТЭ в случае его создания в конце 40-х

годов, для контроля за выполнением всеобщего договора о запрещении ядерного оружия в свободном от него мире.

Первая реакция на советские предложения

На следующий день после представления советского плана я писал из Нью-Йорка коллегам в Комиссариате по атомной энергии, что „этот план — новая уступка Советов и, если бы он был представлен на год раньше, то оказал бы огромное влияние. . . Русские говорят американцам: поднимите завесу ваших ядерных секретов, а мы поднимем наш железный занавес настолько, чтобы позволить вам периодически посещать наши рудники и предприятия. Естественно, американцы не удовлетворены и хотят получить за свои секреты в области „ноу-хау“ гораздо более эффективные гарантии. Однако, очевидно, мы имеем дело с первой попыткой русских претворить в действие то, что Сталин (в речи в октябре 1946 г.) имел в виду под строгим контролем и международной инспекцией, и это заслуживает быть названным планом. Я не верю, что можно когда-либо достичь общего соглашения по этой проблеме, но соотношение шансов изменилось с одного из десяти тысяч до, возможно, одного из пятидесяти и, поскольку это, в конце концов, шанс избежать войны, его стоит серьезно изучить”.

Только несколько заседаний было посвящено советским предложениям, на которых были запрещены разъяснения (включая письменный перечень вопросов от британского представителя) и высказана критика. В своих ответах советский представитель объяснил, что контрольная комиссия проводила бы периодические инспекции в различные сроки и что она была бы также уполномочена выполнять специальные обследования, проводимые только в случае возникновения подозрений в нарушении конвенции о запрещении атомного оружия. Инспекторы подбирались бы на международной основе. Постоянные инспекции были исключены, поскольку „это перестало бы быть инспекцией и превратилось бы в надзор и управление”.

Деятельность Комиссии также включала бы учет сырьевых материалов, выработку и применение правил технологического контроля, обращение к правительствам за информацией и представление рекомендаций соответствующим правительствам и Совету Безопасности.

Контрольная комиссия имела бы также в своем распоряжении установки для исследований в области мирного использования атомной энергии, но не по технологии оружия. В процессе проведения таких исследований был бы обеспечен широкий обмен информацией и могла бы предоставляться помощь странам, обращающимся за консультацией.

В основных положениях было также заявлено, что государства, подписавшие конвенцию по запрещению атомного оружия, должны иметь

право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскания способов использования ее в мирных целях, — заявление, сходное с положением о „неотъемлемых правах” в Статье IV ДНЯО.

Оставалось главное препятствие: настоятельное требование советского представителя, чтобы Конвенция о запрещении ядерного оружия была не только подписана, но и введена в действие до заключения другой конвенции о создании Международной контрольной комиссии. Советский Союз хотел сначала убедиться в американском ядерном разоружении, прежде чем раскрыть через международную инспекцию секреты расположения своих урановых месторождений и ядерных центров. Со своей стороны, Соединенные Штаты, прежде чем передать секреты атомной технологии и отказаться от своих бомб, хотели сначала обеспечить создание международной администрации в мировом масштабе и особенно в Советском Союзе.

Отклонение советских предложений

Советские предложения никогда не рассматривались большинством как возможная основа для обсуждения и были отвергнуты 5 апреля 1948 г. обычным соотношением голосов — девять против двух. Их отклонению предшествовало одобрение большинством совместного заявления четырех экспертов делегаций Канады, Китая, Великобритании и Франции (я представлял Францию в подготовке этого заявления). Если бы 20 лет спустя наши аргументы были выдвинуты применительно к ДНЯО, они, несомненно, привели бы к отклонению этого договора, который теперь является главной опорой режима нераспространения.

Наши заключения были резюмированы следующим образом: „Предложения Советского Союза не являются приемлемой основой для международного контроля над атомной энергией. КАЭ ООН не может одобрить никакую схему, которая не предотвратила бы переключения атомного материала, не обеспечивала бы эффективных средств обнаружения тайной деятельности и не предусматривала бы положений о быстрых и эффективных мерах принуждения. Правительство Советского Союза не только предложило схему, которая не отвечает основным требованиям контроля над атомной энергией, но в то же время выдвинуло неприемлемое предварительное условие, согласно которому оно не согласится на создание даже такой системы контроля до тех пор, пока все ядерное оружие не будет запрещено и уничтожено. Совершенно нереально ожидать от любого государства отказа от ядерного оружия без какой-либо гарантии создания для всех государств непреодолимого барьера, препятствующего его производству”.

Ирония последней фразы в том, что 40 лет спустя 127 государств, не обладающих ядерным оружием, став участниками ДНЯО, сделали как раз то, что мы

тогда считали совершенно нереальным*. Во время выдвижения советских предложений мы принадлежали к группе, составляющей большинство в КАЭ ООН, и были заняты детальной проработкой американского плана. Мы были убеждены — и правы в своем убеждении — в преимуществах многонациональной администрации по сравнению с периодическими инспекциями. Тридцать лет спустя политика нераспространения Картера основывалась на том же предположении, что периодические инспекции являются недостаточным средством контроля.

Это был случай, когда лучшее — враг хорошего. Мы слишком прониклись идеей мирового правительства, чтобы постигнуть относительные достоинства советского плана и принять эти предложения в качестве альтернативы для обсуждения, сохраняя надежду, что позднее мог бы быть найден компромисс о сроках демонтажа американских бомб. Мы не могли догадаться, что Советский Союз идет на максимальное открытие своей территории, которое он когда-либо был готов предложить международному сообществу.

Мы считали, что русские стараются выиграть время, но мы, конечно, не знали, что они подошли вплотную к своему первому ядерному испытательному взрыву. Хотя большинство экспертов считали, что Советскому Союзу потребуется от 3 до 6 лет для изготовления первого ядерного устройства, правительства не верили этим прогнозам или забыли о них. Даже многие ученые, забыв о быстротекущем времени, продолжали считать, что это важное событие в мировой политике произойдет через несколько лет.

Возможно также, советское руководство было убеждено, что его предложения не имеют ни малейшего шанса быть принятыми Западом, пока остается в силе предварительное условие, в соответствии с которым конвенция о запрещении ядерного оружия должна быть принята первой. Поэтому выдвижение советского плана не влекло за собой риска оказаться обязанным подвергнуть все свои ядерные установки периодическим инспекциям такого же типа, который русские и американцы смогли через 20 лет навязать в интересах нераспространения почти всему остальному миру.

Любопытно вспомнить в этой связи, что при создании МАГАТЭ и позднее, при заключении ДНЯО, Советский Союз никогда не пытался извлечь выгоду или даже упомянуть о том, что западные страны теперь принимают советский подход к контролю, который они с презрением отвергли в конце сороковых годов.

* Состояние на 19 февраля 1986 г.

Упущенная возможность?

— Поскольку я сам был участником провала советских предложений, мне с тех пор иногда приходила в голову мысль о том, не упустили ли мы уникальный исторический шанс. Не то чтобы я верю в возможность отказа от бомбы со стороны США или СССР в 1948 г., накануне Берлинского кризиса и всего лишь за 15 месяцев до первого советского испытания. Но Советский Союз предложил всем государствам и заявил, что он принял бы сам то, что на современном жаргоне называется „всеобъемлющими гарантиями“. Они были даже более полными, чем гарантии по Договору о нераспространении, поскольку распространялись бы на урановые рудники, которые сегодня освобождены от международного контроля по настоянию некоторых из основных западных стран-производителей сырья, озабоченных защитой коммерческих секретов процессов добычи.

Даже если бы мы, преодолев недоверие, приняли советское предложение в его буквальном значении и Советский Союз не отступился бы от него, маловероятно, что в разгар „холодной войны“ удалось бы завершить выработку международной контрольной конвенции до проведения первого советского взрыва. Но если бы в то время переговоры о такой конвенции достаточно продвинулись вперед, это, возможно, привело бы еще до появления водородной бомбы к заключению определенного договора о нераспространении, по которому только две державы, обладающие ядерным оружием, имели бы ограниченное число бомб. За этим, несомненно, последовала бы разрядка между двумя супердержавами, которая облегчила бы путь к заключению соглашения об ограничении иззарождающихся ядерных арсеналов до такого малого размера, который не исключил бы возможности полного отказа от них на более поздней стадии.

Но мы не должны тешить себя иллюзиями. Пока мы не достигли открытости мира, которую отстаивал Нильс Бор, и пока существуют крупные суверенные государства, которые могут оказаться в состоянии неограниченной вооруженной конфронтации, никакая система — будь она советского или американского происхождения — не сможет воспрепятствовать ни одному из них прибегнуть к военному использованию ядерного оружия или к другому средству массового уничтожения, если они будут убеждены, что их свобода и само существование зависят от такого употребления этих средств.

Не ликвидация ядерного оружия приведет к всеобщему миру, а всеобщий мир сделает возможной его ликвидацию.